

Мы снова в темных, душных вагонах. Через пять минут поезд с оглушающим грохотом промчит нас через длинный мост на Джумне, а через шесть часов мы будем в Каунпуре, где Англо-Индия перевернула самую кровавую страницу своей истории. Нас провожают наши голоногие друзья-пандиты в шитых золотом шалах; к ним присоединились несколько бенгальских бабú в белоснежных кисейных тогах и все до одного простоволосые. Вдали мелькает «обер-шпион»; мы² видим, как он садится в соседний с нами вагон в сопровождении большой корзинки, наполненной бутылками водки и содовой воды и ящика со льдом. Такур уехал с Нараяном накануне приготовить для нас такое место, куда еще «никогда не ступала нога англичанина – и не ступит³» (говорил он). А пока мы должны удовольствоваться этим обещанием и даже⁴ не расспрашивать его об этом, особенно в присутствии мистера У*** и мисс Б***, которые хотя теософы и наши друзья, но все же англичане. Можно положительно сказать, что в Индии никто из этой нации не будет произведен во святые...

Все окна вагона с темно-зелеными стеклами, иначе пассажиры могли бы ослепнуть. Когда их спускают, то на их место поднимаются подвижные ставни из кус-куса⁵ на шалнерах⁶. Вделанные по обе стороны оконных рам в стенах вагона гидравлические машины при каждом повороте колес поезда обливают ставни водой, отчего они вертятся, как вентиляторы в форточках, и якобы пропускают рассекаемый поездом прохладный воздух. Но – увы! – не отъехали мы и двух миль, как пощупав ставень рукой, я чуть было не обожгла себе пальцы: вода на солнце сделалась совершенно горячею. В прошлом году в июне (рассказывал нам за несколько минут до отъезда содержатель келлеровского ресторана на аллахабадском вокзале француз Монкутье) с полуденным поездом приехало семейство одного полковника. Когда пассажиры стали выходить на платформу, то из вагона полковника выскочили два мальчика, крича и плача... В вагоне неподвижно лежали полковник – мертвецки пьяный, и жена его, болезненная женщина лет двадцати двух, – мертвая. Доктора решили, что смерть приключилась вследствие апоплексии от жары. У самого Монкутье умерли в один день его два сына (двенадцати и четырнадцати лет), выбежав только на несколько минут на солнце. Бедный француз со слезами рассказывал нам про смерть своих⁷ сыновей, суется в то же время за прилавком, где он втридорога продал нам папиросы, постоянно притом предлагая нам un verre d'absinthe ou de vermouth⁸. «Ah, le gremlin de pays! – повторял он, захлебываясь слезами при воспоминании о детях. – Un vrai enfer, quoi!.. Et puis, pas un de ces cochons d'Anglais qui sache un mot de français. Oh, que je voudrais donc voir un jour les Russes ici!»⁹...

Мы засмеялись, но сочли за лучшее не принимать участия в его опасных пожеланиях. Обернувшись, мы увидели за спиной нашего белокурого шпиона, которому лакей наливал «прохладительное» питье из бутылки рома. На этот раз бедный Монкутье, должно быть, срезался в своих сведениях о не говорящих по-французски англичанах. Возвращаясь в Бомбей едва через¹⁰ месяц после того, мы уже не застали француза за прилавком, подрядчик¹¹ Келлер сменил его и услал на другую и дальнюю станцию за «болтовню».

Накануне отъезда Такур принес нам пучок свежих листьев и предложил попробовать их. Вкусом они напоминали щавель, оставляя во рту прохладное, как после мяты, ощущение. Он взял с нас формальное обещание держать по маленькому кусочку этих листьев во рту во все время

¹ В «Московских ведомостях» эта глава идет как продолжение «Письма XXIV».

² В «Московских ведомостях»: «обер-шпион»: мы.

³ В «Московских ведомостях»: будет.

⁴ В «Московских ведомостях»: вовсе.

⁵ В «Московских ведомостях» выражение «из кус-куса» отсутствует.

⁶ шарнирах (*прост., устар.*).

⁷ В «Московских ведомостях» далее: единственных.

⁸ стакан абсента или вермута (*фр.*).

⁹ «Ох, несчастная страна! Сущий ад!.. И к тому же, ни одна английская свинья не говорит и слова по-французски. О, как бы я хотел, чтобы в один прекрасный день здесь были русские!» (*фр.*).

¹⁰ В «Московских ведомостях»: через.

¹¹ В «Московских ведомостях»: прилавком: подрядчик.

переезда до Каунпура и вообще днем во время жары. «Пока вы их будете жевать, как бетель, жара не будет иметь на вас вредного влияния¹² (сказал он нам) и вам подчас даже будет слишком прохладно». И действительно, мы с тех пор будто¹³ не чувствовали зноя. Но нам не удалось уговорить У*** держать эту траву во рту, а мисс Б*** постоянно ее выплевывала, и оба чуть было не заболели. Искренно сожалею¹⁴, что не имею права ни описать этого растения, ни послать его в Россию для исследования: индусы странный народ, и даже сам Такур, лучший и благороднейший из всех нам известных индусов и наш преданнейший друг, не свободен от этих странностей. Он как будто скрывает познания своей родины, особенно такие, на которые современная наука взирает как на нечто сказочное. На наши вопросы: почему бы ему не обогатить и западную науку лишним открытием, столь полезным в этой знойной стране, он как-то загадочно улыбнулся, заметив, что эта трава растет только в Индии, да и то встречается весьма редко, и что всех-де не спасешь. «Наука на Западе богата и без наших крох, и вы, которые у нас *все* взяли, оставьте нам хоть эти крохи», – добавил он.

Каунпур – место безо всякой истории, и пока англичане не избрали его в 1777 году передовым постом для своих гарнизонов в Индии, оно оставалось в полной неизвестности. Станция железной дороги находится за городом, и мы уже собирались взять две раззолоченные *гари* на волах, когда слуга Такура объявил нам, что его *маха-сааб* (великий господин) выслал нам европейский экипаж. Это был¹⁵ обитый ярко-пунцовым бархатом четырехместный ландо¹⁶ с двумя висевшими позади, как две крупные капли крови, *саисами*¹⁷ в красных с золотом кафтанах и таких же тюрбанах и с четырьмя такими же саисами в ливреях, долговязыми и быстроногими скороходами, бежавшими впереди ландо. Прибавьте к этому четырех конных раджпутов, телохранителей Гулаб-Лалл-Синга, и вы поймете, почему полковник, садясь в карету, заметил: «Перенесись мы каким-либо волшебством в Нью-Йорк, нас, наверно, приняли бы за продающих зубной эликсир и магические порошки приезжих шарлатанов». Но мы были в Индии, и народ, встречаясь с нами, чуть не бросался на землю пред таким ярким¹⁸ величием.

Первое бросившееся нам в глаза строение была пустая, из темно-красного кирпича огромная церковь без окон и дверей с высокою остроконечною колокольней. Это здание в продолжение с лишком трех недель служило слабою крепостью перерезанному впоследствии гарнизону, засевшему в нем по открытии мятежа 6 июня 1857 года.

Что было первою причиною этого кровавого мятежа? Европа читает реляции англичан и воображает, что читает *историю*. Ей даже и в голову не приходит спросить, есть ли между многими историями бунта хоть одна написанная верно и беспристрастно.¹⁹ Индусов никогда и никто не спрашивал, сколько в показаниях их завоевателей истины, которая из двух сторон виновна²⁰ в больших преступлениях и кто совершил более зверских жестокостей: образованный ли, гуманный европеец, или дикий, доведенный до иступления азиат? По этому поводу мы собирали *факты* не от одного, а от многих, отнюдь²¹ не сговорившихся между собою людей. Их показания в главных чертах согласуются вполне, поэтому мы и верим им более, нежели всем «историям» мятежа 1857 года, взятым вместе. «Смазанные свиным салом патроны» – причина бунта *мусульман*, и «ремни» из коровьей кожи, возмутившие *индусов*, – не что иное, как последняя, переполнившая сосуд горечи капля...

За несколько времени до мятежа в Битхпуре²², большом местечке на правом берегу Ганги, в 12 милях от Каунпура, проживал индус из старинного и гордого рода по имени Дундху Пунт^{23 24},

¹² В «Московских ведомостях»: вас никакого зловредного действия.

¹³ В «Московских ведомостях» далее: и.

¹⁴ В «Московских ведомостях»: жалею.

¹⁵ В «Московских ведомостях»: Экипаж оказался.

¹⁶ Ландо (*фр.* landau) – легкая четырехместная повозка со складывающейся вперед и назад крышей.

¹⁷ Саис – грум; слуга, верхом сопровождающий всадника или едущий на козлах, на задке экипажа.

¹⁸ В «Московских ведомостях» слово «ярким» отсутствует.

¹⁹ В «Московских ведомостях»: беспристрастно?

²⁰ В «Московских ведомостях»: истины, кто из двух виновен.

²¹ В «Московских ведомостях»: вовсе.

²² Битуре (*англ.* Vithoor).

²³ Дхонду Пант (*англ.* Dhondu Pant).

более известный под прозвищем Нана-Саиба²⁵. Он был усыновленным наследником²⁶ последнего «пейшва»²⁷ (царственного главы Махратской конфедерации) Баджи-Рао²⁸ и по смерти последнего получил в наследство все его поместья, сокровища и имения. Некоторые англичане, подобросовестнее, сознаются в том, что этот молодой человек, двоюродный брат махараджи Синдии, имел полное право ненавидеть правительство. В своем официальном рапорте полковник Шерер²⁹ пишет, например, следующую многозначительную фразу: «Этот человек имел к нам претензию, на которую мы, бритты, с обычным всем преуспевающим господам несимпатическим обхождением не обратили никакого внимания». Усыновленный в 1832 году еще ребенком, Нана-Саиб вырос в полной уверенности, что он наследует титул и положение «пейшвы» – честь, в сущности, благодаря англичанам, более номинальная, чем действительная, но все же льстившая³⁰ самолюбию того, кто имел на нее право. За пять лет до бунта старый Баджи-Рао умер, а вслед за его смертью тогдашнее правительство лорда Дальгузи³¹ тотчас же и безо всякого повода³² объявило, что звание «пейшвы» упразднено и что принц Дундху наследует лишь³³ частные поместья и собственность отца. Вследствие этого, получаемый старым раджей пенсион был прекращен; армии приказано не отдавать чести наследнику, и даже несколько старых, давно негодных артиллерийских орудий³⁴, великодушно оставленных свергнутому с престола принцу, которым бедный узник тешился на старости лет, отняты у Нана-Саиба. В продолжение четырех с лишком лет юный принц разорялся в напрасных усилиях заставить директоров Компании отменить несправедливое решение. Вместо того чтобы твердо, но ласково обратить его внимание на тщетность его хлопот, дирекция показала ему на дверь, грозя³⁵ отнять у него даже его частное наследие. Между тем у Нана-Саиба были две сестры, двенадцати и тринадцати лет; старшая красавица, и обе замужем. Поехав однажды с кормилицей и слугами на богомолье, они подверглись нападению пьяных офицеров, которые ворвались в передний двор пещерного храма, когда те только что сошли раздетые в священный танк, и... обесчестили обеих. Единогласное³⁶ показание уверяет, будто Нана-Саиб убил обеих девочек собственной рукой и *по их же неотступной просьбе*; а убив, выпил по капле крови каждой и поклялся на ней отмстить женам и дочерям англичан или же умереть самому. У Нана-Саиба был доверенный и любимый им друг, индус, насильно обращенный в мусульманство, который, бежав из Хайдерабада и получив приют и защиту у Нана-Саиба, вернулся к индийской вере. Англичанам индус был известен под именем Азим-муллы-хана³⁷. Этот Азим был правою рукой и секретарем Нана-Саиба. В начале 1855 года Азим был послан своим господином в Англию искать защиты в парламенте. Теперь англичане представляют его каким-то низким лакеем и поставщиком для гарема Нана-Саиба, хотя последний по смерти отца был посвящен в звание *брамацарии*³⁸, то есть светского монаха, и не только никакого гарема, но и жены не имел. Англичане в своих «историях» жалуются на Азима, называя его «тигром в человеческом образе», обвиняют его в том, что он будто бы шпионил за ними под Севастополем и, проведая об³⁹ их слабостях, преувеличил-де оные⁴⁰ в глазах своих

²⁴ В «Московских ведомостях» далее: но.

²⁵ Нана Сагиб (Nana Sahib, 1824–?) – один из лидеров индийских повстанцев в ходе восстания сипаев 1857 г.

²⁶ В «Московских ведомостях»: усыновленный наследник.

²⁷ пешва.

²⁸ Баджи-рао II (1775–1851) – пешва государства маратхов.

²⁹ Джон Уолтер Шерер (1823–1911) – сотрудник Бенгальской гражданской службы, автор воспоминаний «Daily life during the Indian mutiny; personal experiences of 1857» («Повседневная жизнь во время индийского мятежа; личный опыт 1857 года», 1898).

³⁰ В «Московских ведомостях»: но какая ни на есть, а все же льстящая.

³¹ Джеймс Эндрю Дальхузи (Dalhousie, 1812–1860) – британский государственный деятель, генерал-губернатор Индии (1848–1856).

³² В «Московских ведомостях»: безо всякой к тому причины.

³³ В «Московских ведомостях» далее: одни.

³⁴ В «Московских ведомостях»: несколько штук старого, давно негодного артиллерийского оружия.

³⁵ В «Московских ведомостях»: дверь с угрозой.

³⁶ В «Московских ведомостях»: Единодушное.

³⁷ Азимулла-хан (Azimullah Khan Yusufzai, 1830–1859) – секретарь и советник Наны Сагиба.

³⁸ брахмачарьи.

³⁹ В «Московских ведомостях»: о.

соотечественников, которые поэтому и осмелились взбунтоваться; наконец, Азим-мулла-хан вошел будто бы «в заговор со врагами Великобритании в Турции и даже тайком ездил в Россию». Но во дни пребывания Азим-муллы в Англии его живописные костюмы, бриллианты, шали и драгоценности очаровывали не одних сходящим по нем с ума английских леди, но даже важных сановников. Он был принят в высшем обществе Лондона и Брайтона⁴¹, все газеты расхваливали изящество его манер и образования... Как же теперь называть его «подлым лакеем»? Несколько знатных леди уже собирались исполнить данное ему в Лондоне обещание – навестить его господина, принца Нану, в его поместье [в] Битхпуре, когда преждевременно вспыхнул давно подготовленный мятеж и планы Нана-Саиба рушились.

Можно наверное сказать, что Нана-Саибом, как и всеми главными заговорщиками, гораздо более руководило чувство мести и ненависти к англичанам, чем надежда на политический переворот. Конечно, если бы планы Нана-Саиба удались, то в Индии снова водворилась бы Могульская и Махратская империя. Но чувство ненасытной мести, страстное желание обесчестить Англию в лице ее знатнейших жен и дочерей, обесчестить так, чтобы (по словам передававшего нам эти подробности) «бесчестие это сделалось историческим и предание страны воспевало бы справедливую месть махратского принца до будущей *праляии*», было главным и первым его побуждением. Так ловко сыграл свою роль Азим-мулла-хан, что не менее 14 знатнейших дам при лондонском дворе (как сказано выше), очарованные этим азиатским дипломатом, готовы были добровольно посетить логовище сторожившего их зверя, и их приезд в Битхпур должен был послужить сигналом к общему восстанию. Слепая судьба – *кисмет* – спасла, конечно, их, но не спасла их англо-индийских сестер.

Девизом Нана-Саиба сделалось изречение побежденной богини Вергилия⁴². И действительно, он, по выражению его биографов, «выдвинул весь ад», созвав вдобавок всех демонов восточной мести к своим услугам...

Насолив ему со всех сторон, лишив его сначала сестер, а затем звания, почестей, пенсии, англичане с доверчивостью невинности и чистой совести, вследствие нескольких ловко придуманных и заданных им, Нана-Саибом, пиров, вообразили себе, что наследник «пейшвы» их величайший друг. Ежедневно ожидая, что сипаи его полка последуют примеру своих товарищей и взбунтуются, генерал Уиллер⁴³ еще 26 мая вызвал Нана-Саиба из Битхпура «помочь ему успокоить сипаев и предупредить мятеж». Нана явился немедленно и привел с собою двести из своих пятисот вооруженных телохранителей и три или четыре оставшиеся у него пушки. Его назначили охранять казначейство, и он поселился в собственном доме в Навабгундже⁴⁴. Ему были известны все переговоры между гражданскими и военными властями, и он вместе с англичанами приготавливал «убежище» женщинам и детям...

Когда 6 июня взбунтовались сипаи и вместо того, чтобы по обыкновению своему перерезать офицеров, разграбили полковую кассу, а затем отправились по дороге к Дельхи, желая присоединиться к корпусу главных мятежников, то англичане, укрепившись в церкви и провиантских бараках, великодушно передали в руки клявшегося им в «вечной дружбе» Нана-Саиба арсенал, пороховой магазин, парк и все, что оставалось от казны, поручая своему «верному союзнику» защищать их от народа. Тогда Нана, сбросив, наконец, маску, вернул сипаев с дороги и на другой же день, то есть 7 июня, открыл было по своим «друзьям» огонь, но тотчас же опять прекратил его: адская мысль озарила махрата. Смерть мгновенная и не дающая времени страдать – не наказание. Как кошка с мышью, принялся он играть со своими пленниками: он знал, сколько было в бараках провизии, и начал морить их голодом... Чрез⁴⁵ две недели из 250 человек, вошедших в укрепление гарнизона, оставалось только 150, а из 380 женщин и детей наполовину менее. Трупы гнили почти на поверхности земли пред глазами переживших. То была долгая, страшная агония...

⁴⁰ В «Московских ведомостях»: их.

⁴¹ Брайтон – курортный город в Англии на берегу пролива Ла-Манш в 50 милях от Лондона.

⁴² Публий Вергилий Марон (70–19 до н.э.) – поэт Древнего Рима.

⁴³ Хью Уилер (Wheeler, 1789–1857) – британский генерал Ост-Индской компании.

⁴⁴ Навабгандже (*англ.* Nawabganj).

⁴⁵ В «Московских ведомостях»: через.

Наконец, Нана решился покончить с ними. 26 июня он послал им сказать, что если они доверятся ему, то он спасет оставшихся в живых. Гарнизон, предпочитая скорую расправу⁴⁶ мукам голодной смерти, согласился. Тогда лишенный престола принц велел приготовить лодки, обещая своим пленникам выгрузить их в Аллахабаде, и на утро 27-го часть их была размещена на тридцати баркасах. Как только они были размещены, лодочники зажгли соломенные навесы лодок, а сипаи стали стрелять в пленников. Из тридцати лодок только две успели потушить огонь и отплыть на середину⁴⁷ реки, которая в том месте имеет целую милю ширины. Одна из этих двух лодок, пробитая ядрами,⁴⁸ скоро потонула, другая спаслась каким-то чудом; но из 28 человек только четверо пережили это утро, попрятавшись в тростнике. Не утонувших⁴⁹ вытащили и привели обратно на берег. Во все это сам Нана не вмешивался. Говорят, будто утром того дня он объявил, что предоставляет пленников в руки судьбы и народа: кто спасется – благо тому, а кому погибнуть – того даже и сам он спасти не в состоянии; притом он добавил, чтобы ни один⁵⁰ «белый», который избегнет смерти, больше не попадался ему в руки, а то будет казнен. Всех спасшихся из воды мужчин перестреляли; а женщин и детей⁵¹ посадили в другое здание, называемое «Савади Котти»⁵², недалеко от вокзала, и оставили дней на десять в живых. Быть может, Нана и даровал бы им жизнь, но случилось следующее: 10 июля проезжая мимо Битхпура с сильной партией обоего пола беглецов из Фатсагара, полковник Смит был замечен на реке часовыми. Лодку схватили и человек с лишком пятьдесят, включая женщин и детей, были взяты в плен. Наутро их погнали по ужасной жаре пешком в Каунпур и представили Нана-Саибу. Вместо того чтобы молчать и, покорясь своей участи, ждать жизни или смерти, англичане (по рассказам) стали страшно оскорблять Нана Саиба, называя его, между прочим, «незаконным сыном» – оскорбление, влекущее за собою у гордых браманов смерть. Тогда мужчин повели на плац-парад и расстреляли, а женщин и детей присоединили к прежним пленникам. Весь этот страшный период покрыт мраком таинственности. Вообще никто из пленников не остался в живых, чтобы рассказать, что именно происходило⁵³, но, должно быть, случилось нечто ужасное, неслыханное...

Вероятно, если бы Нана-Саибу посчастливилось, он не казнил бы ни женщин, ни детей, которых, как известно, он оставил в живых до последней минуты своей власти. Но 15 июля при Аунде⁵⁴ он проиграл сражение и должен был скрыться. В минуту безумного бешенства, в последнюю ночь своей власти и пребывания в Каунпуре он отомстил⁵⁵, говорят, за своих сестер: он впустил толпу опоенных опиумом и *багом* сипаев (мусульман и индусов) в дом, где содержались европейские женщины, за несколько часов до их смертной казни. Рассказывают также, что четверо мужчин: судья Торнгилл⁵⁶, полковник Смит и двое других, были нарочно оставлены в живых, дабы сделать их свидетелями этого национального бесчестья. На заре мужчин вытащили на улицу и зарезали, а также 250⁵⁷ женщин и детей. Всех их бросили в глубокий и знаменитый с тех пор «колодезь».

Продолжать повествование напрасно, ибо вся Европа знает остальное. Добавлю лишь некоторые подробности, о которых она никогда не слыхала. Когда Каунпуром снова овладели англичане и в нем водворилась тишина (что случилось вечером того же дня), Нана-Саиба уже там не было: он исчез бесследно. Как известно, англичане долго показывали в железной клетке узника⁵⁸, которого, за неимением оригинала, хотели выдать за принца Дундху, но они принуждены были, наконец, выпустить этого человека, так как вся Индия хохотала над этим. Между тем, Нана-

⁴⁶ В «Московских ведомостях»: смерть.

⁴⁷ В «Московских ведомостях»: середину.

⁴⁸ В «Московских ведомостях»: Из этих двух лодок пробитая ядрами одна.

⁴⁹ В «Московских ведомостях»: Всех, кто не утонул.

⁵⁰ В «Московских ведомостях»: чтобы всякий.

⁵¹ В «Московских ведомостях» далее: снова.

⁵² Савада Коти (*англ.* Savada Kothi).

⁵³ В «Московских ведомостях»: случилось.

⁵⁴ Аонге (*англ.* Aong).

⁵⁵ В «Московских ведомостях»: отомстил.

⁵⁶ В «Московских ведомостях»: Торнгилл.

⁵⁷ В «Московских ведомостях»: зарезали с 250 человеками.

⁵⁸ В «Московских ведомостях»: человека.

Саиб, говорят, жив, и до сих пор есть люди, еще не потерявшие надежды увидеть его в Индии. О пленниках же коллектор, полковник Шерер, рассказывает следующее:

«Подъехав к дому убийства и резни, мы нашли в нем на шесть⁵⁹ вершков⁶⁰ глубины запекшейся крови... Мы заглянули в колодезь и пред нами мелькнула вся ужасная истина: спасать было уже некого. Пред нашими глазами открылась та ужасающая картина, при одной мысли о которой еще теперь в далекой Англии осиротевшие сердца обливаются кровью... Колодезь был глубок, но узок; заглянув в него, мы нашли⁶¹ его наполненным до краев мертвыми и совершенно нагими телами. Всех трупов насчитали 253».

Вот что рассказывает англичанин и очевидец. Но он умалчивает о том, как на другое утро сгоняли жителей Каунпура и расстреливали *каждого десятого* человека; умалчивает о том⁶², что, схватив между ними несколько сотен людей (вероятно, большею частью невинных), их заставляли *слизывать запекивающую в комнатах кровь*⁶³; умалчивает о том⁶⁴, что эту кровь *слизывали*, не вставая, человек до пятисот в продолжение сорока восьми⁶⁵ часов, что две трети из них умерли⁶⁶ от рвоты, а остальную треть англичане добились прикладами; умалчивает, наконец, о том⁶⁷, что не несколькими десятками мятежников заряжали пушки (как уверяют английские рассказы), а что такую смертью погибло их *несколько тысяч*.

Лорд Каннинг⁶⁸ приказал все *белые* трупы, не трогая их, оставить в колодце и засыпать землей и известью. Площадь превратили в сад, а над колодцем построили знаменитый «Memorial monument»⁶⁹, памятник 1857 года.

Прямо с железной дороги мы поехали в этот сад. Сад тенист, наполнен кипарисами, плакучими ивами и другими превосходными растениями и цветами; но ни архитектура часовни, ни стены сада, ни самый памятник над колодцем не соответствуют ни великому трагическому событию, ни суммам, пожертвованным на исполнение задуманной Каннингом идеи. Статуя представляет какого-то вульгарного на вид⁷⁰ ангела с распростертыми ладонями⁷¹ вниз руками, точно ему холодно и он их греет над камином. Статуя работы барона Марочетти⁷² и по его идее представляет «Ангела милосердия». Но почему эта⁷³ поза именно *милосердия*, а не чего-либо другого, определить трудно. Статуя помещена внутри гранитной, четырехугольной⁷⁴ ограды с чугунною решеткой на гребне; с фасада мраморные ступени ведут к калитке, вделанной в этой решетке, что еще смешнее, так как в здании без крыши, казалось бы, и калитке делать нечего, тем более что она словно висит между небом и землей. Желаящему приблизиться к подножию статуи приходится снова спускаться по таким же ступеням вниз, внутрь ограды; и только тогда, очутившись в квадратной яме с памятником посередине⁷⁵ прямо против пьедестала, «прохожий» может остановиться, но далеко не умилиться. Пред ним по розовому полю белыми рельефными буквами красуется вокруг всего подножия легенда мятежа. Легенда эта – чистый куриоз. Она есть⁷⁶ как бы соединение всех отборнейших, *непечатных* ругательств и проклятий язычникам⁷⁷... Ограбленный, выгнанный из своих наследственных владений принц Дундху Пунт (Нана-Саиб) предается в ней

⁵⁹ В «Московских ведомостях»: 6.

⁶⁰ 27 см.

⁶¹ В «Московских ведомостях»: увидели.

⁶² В «Московских ведомостях» выражение «о том» отсутствует.

⁶³ В «Московских ведомостях» далее: языками.

⁶⁴ В «Московских ведомостях» выражение «о том» отсутствует.

⁶⁵ В «Московских ведомостях»: 500 в продолжение 48.

⁶⁶ В «Московских ведомостях» далее: на земле.

⁶⁷ В «Московских ведомостях» выражение «о том» отсутствует.

⁶⁸ Чарльз Джон Каннинг (1812–1862) – генерал-губернатор и вице-король Индии (1856–1862).

⁶⁹ «Мемориальный монумент» (англ.).

⁷⁰ В «Московских ведомостях»: вульгарно сделанного.

⁷¹ В «Московских ведомостях»: ладонью

⁷² Карло Марочетти (Marochetti, 1805–1867) – французский скульптор.

⁷³ В «Московских ведомостях»: это.

⁷⁴ В «Московских ведомостях»: четырехугольной.

⁷⁵ В «Московских ведомостях» далее: и носом.

⁷⁶ В «Московских ведомостях»: мятежа. Но что это за легенда! Она.

⁷⁷ В тексте: язычников.

«огню вечному» как «раб презренный и мятежный, осмелившийся взбунтоваться против законных властелинов *избранного Богом народа*». Англичане – «избранный Богом народ»! Вся симпатия, все глубокое сожаление к столь незаслуженному страданию, к этим погибшим мученической смертью несчастным детям и матерям – все это исчезает⁷⁸ при чтении непристойно ругательной, до приторности высокомерной, напыщенной эпитафии. Мученический прах, покоящийся под нею, забывается; остается пред глазами⁷⁹ лишь высокомерная надпись, из которой так и бьет в нос фарисейство их гордых и жестоких отцов, братьев, сыновей! Во всем саду между многими десятками надгробных надписей ни одной, положительно ни одной из Нового Завета! Дух древне-израильской нетерпимости, мстительности, дух заповеди: «око за око, зуб за зуб» деспотически царствует⁸⁰ в этом саду смерти и пуританства. Но уж если так, то, соболезнуя о неповинных мертвых, нельзя в этой ужасной трагедии не видеть справедливого «закона возмездия»: «что посеешь, то и пожнешь» – слышалось мне в шелесте каждой плакучей ивы, над каждой⁸¹ могилой, в далеком журчании ручья. Велики и ужасны прегрешения Нана-Саиба. Но⁸² кто осмелится утверждать, что его поступками не руководили кровавые слезы и стоны двухсотмиллионного населения, народа, попираемого ногами завоевателя, народа оплеванного, издыхающего с голоду сотнями тысяч в продолжение последнего долгого века? И поверят ли христиане-читатели, что чья-то рука начертила на множестве надгробных памятников следующее, столь подходящее к святыне места размышление: «Оправдана гордость расы, кричащей вослед каждому азиатцу: “*Nis niger est, hunc tu, Romane, caveto*”⁸³».

Полковник, гуманнейший из либералов, проливавший когда-то кровь за освобождение настоящих *негров* (за «Хамово племя», как их в то время называли в Америке проповедники) просто выходил из себя. Мы наткнулись, наконец, на памятник какому-то убитому сержанту с надгробною надписью⁸⁴: «О, Господи! Ты дал мне нечестивых язычников в наследие, так сокруши же их, рассей с лица земли, и да погибнут *проклятые* филистимляне; а Ты, Господи, прославь *свой* народ!» Все эти надписи в своем напускном смирении казались⁸⁵ мне до того гнусно иезуитскими, до того полными затаенного лицемерия, что я поспешно отошла в сторону и стала звать наших спутников-англичан вон из сада. Я положительно чувствовала, что еще минута – и я не выдержу: выскажу⁸⁶ пред сторожем свое мнение об англичанах, о живых, как и о мертвых, и напущусь вдобавок на «белокурого шпиона», следовавшего за нами как неотвязная тень.⁸⁷ Мы уже были подготовлены к раздражению с первой минуты нашего приближения к памятнику: пропустив нас, европейцев, нам объявили, что наши друзья, бабú и Мульджи, должны оставаться в саду *за воротами*, которые им и захлопнули под носом. В ответ на наши протесты⁸⁸ старый сторож молча указал нам прибитую к воротам доску. На ней большими буквами объявлялось запрещение «индусам, язычникам, как и магометанам, приближаться к ограде».

Мисс Б*** проливала горькие слезы и сморкалась над каждым памятником. С большим трудом мы оттащили ее от двух переплетенных над двойною могилой мраморных любовников, «дух» коих, по ее убеждению, «вital в эту минуту» над ее *топи* и размокшею от слез вуалью. Она ужасно огорчилась и даже обиделась, когда я ей сказала, что, по-моему, ничего здесь не витает, кроме «духа чванства да британского высокомерного фарисейства»...

– Ma chère, – всхлипнула англичанка, – vous n’avez vraiment pas de coeur⁸⁹ ...

– Быть может, – отвечала я, – но у меня зато есть то, чего у вас, видимо, нет: j’ai du nez⁹⁰ ...

⁷⁸ В «Московских ведомостях»: матерям исчезают.

⁷⁹ В «Московских ведомостях» далее: одна.

⁸⁰ В «Московских ведомостях»: зуб» царствует деспотом.

⁸¹ В «Московских ведомостях» далее: новою.

⁸² В «Московских ведомостях»: Нана-Саиба; но.

⁸³ «У этого черная душа, от этого, римлянин, ты остерегися» (Гораций «Сатиры», 1, 4, 85).

⁸⁴ В «Московских ведомостях»: памятник какого-то убитого сержанта, на котором нашли слова.

⁸⁵ В «Московских ведомостях»: представились.

⁸⁶ В «Московских ведомостях»: минута, и я не выдержу – выскажу.

⁸⁷ В «Московских ведомостях» далее: К тому же.

⁸⁸ В «Московских ведомостях»: На наши протестации.

Протестация (*устар.*) – протест.

⁸⁹ Моя дорогая, у вас действительно нет сердца (*фр.*).

И мы вернулись к нашим индусам.

⁹⁰ у меня есть чутьё (*фр.*).